

Как же это завидно. Он тоже хотел бы, чтобы учитель учил только его, чтобы его глаза видели лишь его одного.

Сюй Фусы провёл рукой по уже высохшим волосам и улыбнулся:

— Зачем тебе интересоваться им? Ты — это ты, а он — это он.

Е Цзысинь опустил взгляд:

— Просто хотел услышать, насколько он был выдающимся, чтобы стремиться к тому же.

Если он превзойдёт того человека, то в глазах учителя станет самым важным, не так ли? Тогда, когда учитель будет говорить о нём, его взгляд станет таким же, как прежде.

С большей эмоциональной глубиной, чем когда он смотрел на третью дочь семьи Су.

Как будто все краски мира в одно мгновение собрались в его глазах.

— Цзысинь, ты и он — несравнимы.

Эта короткая фраза, произнесённая с улыбкой, заставила Е Цзысиня вновь осознать: тот ученик значил для учителя нечто иное.

Учитель даже не желал их сравнивать. Тот ученик, должно быть, был невероятно ярок. А слова о том, что в некоторых аспектах тот ему уступает, сказанные Ли Сяо и другим, были лишь формальностью.

Ничего. Он всё узнает.

Юноша сжал кулаки.

Он заставит учителя понять, что никто не может быть лучше него, никто не заслуживает большего внимания.

Он готов отдать учителю всё, что угодно. Лишь бы тот смотрел на него... смотрел на него, заботился о нём...

Мысли юноши путались и рассеивались, но цель становилась всё яснее.

Экзамены не были его конечной целью. Высшие чины — тоже. Всё это было лишь этапом. Его истинная цель — обладать этим человеком. Полностью обладать им.

Одна лишь мысль об этом заставляла его тело слегка дрожать.

Будто он видел сон, в котором пленил небесного владыку. Сон был так прекрасен, что не хотелось просыпаться.

Он подавил дрожь в голосе и смиренно произнёс:

— Студент понял.

Его опущенные ресницы слегка задрожали, словно от глубокого разочарования.

Сюй Фусы взглянул на него:

— Тебе не нужно с ним сравниваться. Ты уже достаточно хорош.

Е Цзысинь положил руки на колени и кивнул:

— Угу.

Затем он задал несколько обычных вопросов, поделился своими переживаниями. К тому времени, как Сюй Фусы закончил его утешать, уже наступила ночь.

Е Цзысинь заметил, как учитель зевнул, и, поняв, что тот устал, спокойно поднялся:

— Благодарю учителя за беседу сегодня вечером. Душевное смятение улеглось. Ночь уже глубока, прошу учителя отдохнуть, а студент пощается.

Сюй Фусы кивнул:

— Ложись пораньше.

Е Цзысинь склонил голову, развернулся и вышел.

Е Цзысинь и Ли Сяо делили одну спальню, разделённую ширмой. Ли Сяо уже спал, но, услышав скрип двери, пробудился:

— Цзысинь, ты вернулся?

— Угу.

— Спи скорее. В ближайшие дни нужно наладить режим. Скоро экзамены, нельзя... нельзя расслабляться.

Сказав это, Ли Сяо обнял подушку и погрузился в сладкие грёзы о триумфе на экзаменах и женитьбе на прекрасной невесте.

Лунный свет, подобный струящейся воде, просачивался сквозь щели резного окна, отбрасывая на пол длинные узкие тени. Один из таких лучей лег на угол кровати. Е Цзысинь снял верхнюю одежду и лёг, устремив взгляд в темноту, на потолочные балки.

Спустя некоторое время он достал из-за пазухи платок — тот самый, что учитель использовал сегодня в окрестностях столицы.

Закрыв глаза, он вспомнил, как учитель пользовался этим платком, его прекрасные руки.

С чёткими суставами, длинные, словно выточенные из нефрита, холодного белого оттенка, они изящно двигались...

Такие руки, если бы они...

Дыхание юноши резко участилось.

Эта мысль, раз возникнув, уже не могла быть остановлена. Она расплзалась, словно сорняк, бесконтрольно растущий в пустоши, словно лианы, туго обвивающие ветви дерева.

— Учитель...

Юноша тихо прошептал.

— Учитель...

— Учитель...

Лунная тень на полу медленно смещалась. Под одеялом смутно угадывалось движение.

Вдруг раздался сдавленный, глубокий вздох — и всё затихло. Но ненадолго. Вскоре послышались лёгкие шорохи, длившиеся время, за которое сгорает одна палочка благовоний, а затем наступила полная тишина.

В преддверии столичных экзаменов в городе царило оживление. Студенты толпами сновали по улицам, собираясь в крупных ресторанах и горячо обсуждая, какими будут нынешние испытания и сколько талантов явит себя миру.

В некоторых подпольных игорных домах уже принимали ставки, чтобы после оглашения результатов собрать урожай.

Ли Сяо и другим выходить запрещалось. Все студенты Академии Циншань оставались в особняке Сюй Фусы, погружённые в решение задач.

Их распаляло любопытство, но Сюй Фусы, отхлебнув чаю, невозмутимо произнёс:

— Если в этом году вы мечтаете о прогулках и развлечениях, то на экзаменах вам конец.

— Учитель, почему вы так говорите? — Ли Сяо удивлённо посмотрел на него.

Сюй Фусы, подперев подбородок, взглянул в окно:

— Потому что нынешние экзамены станут самыми сложными в истории.

Он слишком хорошо обучил Се Лина, и у того давно созрели собственные идеи насчёт системы отбора. Е Цзысинь и другие ступали на поле новой, реформированной экзаменационной системы.

Отбросив всё лишнее, те студенты, что пройдут этот отбор, станут пешками в игре Се Лина по перетасовке сил при дворе.

— Кстати, — он усмехнулся, обводя взглядом своих учеников, — я так ни разу и не видел нового императора. Если вы попадёте на дворцовый экзамен, обязательно разглядите его для меня как следует.

Ли Сяо закивал, словно клевал зерно:

— Не извольте беспокоиться, учитель! Если студент действительно попадёт на дворцовый экзамен, то разгляжу его во всех подробностях.

Стоявший рядом Гу Цзянь сказал:

— Если учитель так желает увидеть императора, почему бы не сдать экзамены в следующий раз? С вашими познаниями предстать перед Сыном Неба на дворцовом экзамене — проще простого.

Их учитель был столь мудр! Он и прежде общался с несколькими известными конфуцианскими учёными, но те, по сравнению с их учителем, и в подмётки не годились.

— Я не интересуюсь чиновничьей карьерой.

Служить — утомительно. К тому же он хотел держаться подальше от Се Лина. Если тот его найдёт, Сюй Фусы не сомневался, что участь его будет незавидной.

Он знал: сбежав из мавзолея, он неизбежно будет обнаружен Се Лином. Другие, возможно, решат, что тело его было похищено, но Се Лин — вряд ли.

Но тогда выбора не было. Он не мог вечно лежать в том гробу, а Система не могла создать ему новое тело. Пришлось бежать, не думая о последствиях.

Теперь же это оборачивалось проблемами.

— Надо было выторговать у этой проклятой Системы условия получше, — пробормотал он. — Обидно.

Увы, связь с Системой была разорвана. И, судя по тому, с каким презрением та от него отвернулась, вряд ли она вернётся к этому «одинокому старикашке».

Он лениво переменил позу, подперев щеку рукой, и меланхолично вздохнул.

Что ж, поздно думать. Сам виноват — тогда слишком увлёкся.

После нескольких дней упорного решения задач наступил день начала экзаменов.

На экзамен запрещалось проносить лишние вещи, всех обыскивали. Е Цзысинь и другие поднялись на рассвете, облачились в новую одежду, попрощались с Сюй Фусы и отправились к месту проведения испытаний.

Там уже толпились абитуриенты — настоящее людское море.

Соблюдая очередь, их по одному впускали внутрь и распределяли по отдельным кельям.

Е Цзысинь с товарищами ещё ждали своей очереди, когда услышали, как стоящие рядом обсуждают возможного победителя.

— Я скажу так: в этом году чжуаньюань обязательно достанется столичному студенту. Новый государь только взойшёл на престол, он лично курирует экзамены. Любые изменения столичные студенты узнают первыми.

Кто-то тут же возразил:

— Это не факт. Экзамены — дело государственной важности. Любые перемены держат в строжайшей тайне. Просочишь информацию — тут же обвинят в утечке. По-моему, больше шансов у студентов из Наньцзяна или Чжэчжоу.

— Хах, ты слишком наивен, — парировал оппонент. — Столичные воды глубоки. Обвинение в утечке так просто не выдвинешь. С такими мозгами тебе бы лучше землю пахать!

— Что ты сказал?!

Оскорблённый абитуриент засучил рукава, готовый броситься в драку.

Окружающие, видя, что дело плохо, поспешили вмешаться:

— Мы же все учёные мужи, к чему кулаки? Опустите руки! Хотите лишиться права на экзамены? За драку во время испытаний сразу отстраняют! Не лучше ли обсудить всё разумно?

<http://bllate.org/book/15951/1426266>